

М.В. Савчин

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ, ЛЕГИТИМНОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается проблема учредительной легитимности в контексте сравнительного анализа моделей легитимации публичной власти в свете конституционных ценностей. На основе междисциплинарного подхода, сочетания достижений политологии, социологии и права, доктрин естественного и позитивного права исследована проблема демократической легитимности конституционного порядка и разработано основные предложения об улучшении конституционной системы Украины. Проанализирована взаимосвязь демократической легитимности и конституционных ценностей через призму делиберативной легитимности (соучастия) и демократической легитимности прав человека. Сделан сравнительный анализ моделей нейтрального инструмента, унитарного, эгалитарного и аксиологического достижения консенсуса в обществе. Раскрывается природа учредительной легитимности через призму конституционных ценностей и природа правового статуса Конституционной Ассамблеи, которая создана для подготовки проекта обновления Конституции Украины. Сформулированы ключевые проблемы, которые должны стать предметом публичной дискуссии и рассмотрения Конституционной Ассамблеи. Определен механизм пересмотра Конституции Украины согласно европейским конституционным ценностям и демократической легитимности.

Ключевые слова: демократия, конституанта, Конституционная Ассамблея, конституционные ценности, сравнительное правоведение, суверенитет, учредительная легитимность, учредительная власть, верховенство права, права человека.

I. Введение

Взаимосвязь между конституционными ценностями и социальными и политическими институтами выражает систему конституционного правления, которое предусматривает осуществление управления общественными делами в соответствии с принципами и предписаниями конституции.

Мы выходим с того, что система конституционных ценностей определяется универсальными социальными ценностями, которые присущие национальным правовым порядкам с их релевантными связями, природой национальной конституционной системы, конституционной моделью источников конституционного права [7].

В частности, нельзя согласиться с мнением, согласно с которым конституционные ценности рассматривают, как определены политические цели, что предусматривает ограничение основных прав и свобод человека [21]. Например, с этих предпосылок непонятно, как в иерархии социальных ценностей может стоять выше человеческого достоинства национальная безопасность, ведь последняя может служить лишь как инструмент обеспечения безопасности индивида, о чем писали в одно время в либеральной традиции Дж. Локк или даже этатистской традиции — Т. Гоббс.

Из тех же позиций нет надежных и взвешенных доктринальных оснований для обоснования позиции некоторых ученых о концепции суверенной демокра-

тии [5], которая противоречит фундаментальным положениям конституционализма как системы правления, которая ограничивает произвол власти на рациональных основаниях и гарантирует права и свободы человека [17, 28]. Демократия имеет институциональный характер и характеризует плюралистическую систему выражения мнений в обществе и процедур принятия властных решений на основе свободного дискурса относительно предполагаемых последствий властных решений, критерием которых является обеспечение прав и свобод человека.

В этой работе пойдет речь об институциональных ценностях конституционной системы, которые приводят в действие конституционные ценности, — универсалии (достоинство человека, свободу, равенство, справедливость, subsidiarность, толерантность, верховенство права), которые лежат в основе легитимности учредительной власти. Между ними существуют релевантные связи, которые определяют содержание демократии, легитимности публичной власти, конституционного государства, народного суверенитета.

II. Взаимосвязь конституционных ценностей и демократической легитимности

Сегодня является актуальным отход от этатистского толкования государственности и традиционного понимания суверенитета. По нашему мнению конку-

ренция правопонимания концепций правового государства (*Rechtstaat*) и верховенства права (*rule of law*) [8], в которой, на первый взгляд заложен внутренний и непримиримый конфликт, в действительности «снимается» через концепцию конституционного государства как институциональной ценности (правда, в англоязычной литературе применяют термин *a state by rule of law*, который, по существу, снимает это противоречие). Концепция конституционного государства имплицитно предусматривает ограничение государственного суверенитета, который содержит определенные авторитарные коннотации [10]; напряжение с этой проблемой «снимается», если рассматривать весь механизм публичной власти как форму реализации народного суверенитета и сети публичных властей на основе принципов разделения властей, subsidiarity и пропорциональности [18, 29, 39].

Легитимность власти основывается на демократических принципах и выражает доверие к ее институтам и способность власти эффективно внедрять свои решения в жизнь. Согласно с М. Вебером в процессе исторического развития сложились три типа власти, а именно харизматическая, традиционная и легитимная [2]. Понятно, что такие типы легитимации власти не существуют в чистом виде, а в зависимости от особенностей определенного общества наблюдается сочетание их элементов. Потому природа власти в любом обществе предопределена ее легитимностью, правопреемственностью и общей ценностью власти и права в обществе, о чем также отмечается и в философии права [19, с. 301].

По моему мнению, к вопросу легитимности публичной власти можно подходить, по крайней мере, из таких критериев: а) соотношение континуитета и дисконтинуитета; б) взаимного признания прав и обязанностей и социального дискурса относительно средств их обеспечения; в) способов выявления и обеспечения баланса интересов в социальных паттернах; г) обеспечение баланса у механизма деления властных полномочий по горизонтали и вертикали; д) конституционных средств внедрения компетентных властных решений.

В конституционном праве вопрос легитимности всегда связан со спецификой понимания и действия принципа верховенства права. Само конституционное право наиболее эффективно дает возможность решить проблему континуитета или дисконтинуитета и формирование системы социальных ценностей, на основе чего формируется национальная правовая система и функционирует система органов публичной власти. При таких условиях признается, что если действует конституция, то не может приниматься новая конституция, а возможно — лишь внесение изменений в нее или

пересмотр. Иначе такие действия можно рассматривать как революцию, переворот или узурпацию власти.

Проблема континуитета во взаимосвязи с легитимностью власти в украинской конституционной доктрине сегодня вполне не выясненная. Континуитет заключается в обеспечении непрерывности (в украинском языке есть термин «тяглість», который является более глубоким по своему смыслу) и воссоздании легитимных институций публичной власти и процедур в деятельности их органов [31, с. 194–234]. Д. Като определяет три модели континуитета в конституционном праве во взаимосвязи с проблемой легитимности: материальную (*Materialist Conception*), процедурную (*Proceduralist Conception*) и концепцию связи с конкретными обстоятельствами (*Contingent Conception*) [34]. В свою очередь, в немецкой [33, с. 42–52], чешской [35, с. 673–675, 683–684, 686–689], польской конституционной доктрине [40, с. 100–103] признается, что основой легитимности конституционного порядка является обеспечение конформного развития конституционных положений на трех уровнях: наивысшем — путем внесения соответствующих изменений в конституцию; юрисдикционном — путем конформного толкования конституционных норм; ординарном — развитием конституционных положений в текущем законодательстве.

Сегодня все больший вес приобретает концепция консолидированной демократии как необходимого условия легитимности власти. Эта концепция основана на механизмах достижения общественного консенсуса, который нельзя рассматривать лишь через призму конвенционного подхода.

В сфере частного права договорный механизм служит основным средством установления правовых связей между контрагентами, с помощью которого обеспечивается уравнивание их воли. Однако в публичном праве идея конвенционализма как основы правоотношений представляется небезукоризненной. Распространенное в последнее время в достаточно широких кругах украинских ученых представление о конституции как разновидности общественного договора, который отображает определенный баланс политических сил в обществе, не является безукоризненным. Идея конвенционализма в конституционном праве является достаточно распространенной иллюзией в связи со спецификой конституции как основного закона государства и общества. Однако детерминированность Конституции Украины как результата политического компромисса не всегда являются последовательной. Конвенционализм в украинской практике конституционализма в большей степени проявляется в Конституционном договоре 1995 г., который был принят в связи с несовершенством системы украинского парламентаризма и организации исполнительной власти того времени.

Признание взаимных прав и обязанностей, очевидно, переводится в признание со стороны других определенных правовых домогательств, субъективных прав, полномочий. С формальной стороны это проявляется двойственно: относительно признания полномочий действует позитивистская максима, что они должны определяться законом, который также определяет четкие границы дискреции (свободы усмотрения) органа публичной власти; относительно домогательств частных лиц необходимо определять границы их прав и обязанностей, а также способов и средств их обеспечения. Признается, что необходимым условием этого является демократическое конституционное государство [18, с. 177–182], которое должно опираться на надлежащую рыночную инфраструктуру [23, с. 81–156; 26, с. 17–109] или должно, по крайней мере, обеспечить проведение компетентных рыночных реформ в переходных обществах [11].

Однако этому процессу предшествует сам механизм признания взаимных прав и обязанностей, который воплощается в обосновании лояльности как предпосылки легитимности властных институтов. Согласно с доктриной политического либерализма Дж. Ролза, такой механизм предопределен моральными факторами. Они лежат в основе принятия разумных и рациональных решений, которые дают возможность обеспечить процесс принятия рассудительных управленческих решений, которые не могут иметь исключительно утилитарный характер, а должны удовлетворять требованию средней полезности [16, с. 190–265, 460–534]. Также моральные обоснования взаимосвязи прав и обязанностей разделяет английский конституционалист Т.Р.С. Аллан [1, с. 76–108].

Согласно с концепцией делиберативной демократии Ю. Хабермаса легитимность властных институтов основана на демократическом дискурсе относительно предполагаемых последствий властных решений. В соответствии с пониманием гражданина в традиции Аристотеля он отмечает, что такой общественный дискурс предшествует сугубо нормативному прочтению процесса власти: нормы являются лишь следствием такого дискурса [3, с. 337–354]. В сущности Ю. Хабермас отмечает процедурное обеспечение демократии, которому может способствовать и позитивное право, однако он обходит заколдованный круг проблем, который волнует сегодняшний конституционный дискурс в Украине: состояние процедурной демократии — избирательное и референдумное право — учредительный процесс. К подобным выводам приходит Р. Даль, однако он отмечает гарантии демократического процесса как процесс принятия властных решений, которые обеспечивают баланс интересов в неоднородном обществе [4].

Однако этого недостаточно, поскольку нельзя проследить, каким образом признание и выполнение таких властных решений опирается на реальную поддержку граждан. Поэтому сегодня актуальными являются концепции демократической легитимности прав человека и демократической легитимности. Концепция демократической легитимности прав человека основана на связи демократии с социально-культурными, политическими структурами и этическими предпосылками общества. С этой точки зрения демократия не может рассматриваться как безукоризненный тип легитимации в конкретно определенном обществе; однако без признания прав человека процесс легитимации имплицитно отсутствует, поскольку лишь в демократическом укладе сегодня возможно обеспечить достоинство человека и частную автономию [22, с. 163–171]. Что тогда можно предложить кроме демократии как средства легитимации публичной власти?

Концепция демократической легитимности рассматривает процесс внедрения властных решений, по крайней мере, на четырех уровнях: двойной — как процессу установки конституционного порядка, что связано с содержанием учредительной власти и законодательством; легитимности беспристрастности как понимания гарантий равного доступа к публичной службе, которая должна обеспечить общественный интересах на принципах компетентности и беспристрастности, внедренной в деятельности относительно автономных институтов, наделенных соответствующими властными полномочиями; рефлексивную демократию — через институт судебного конституционного контроля, который в соответствии с социальной динамикой обеспечивает проверку властных решений на предмет их конституционности; приближенной легитимности — как процессу привлечения к выработке управленческих решений граждан [15]. В сущности, эта концепция легитимности развивает отдельные положения концепций делиберативной легитимности и демократической легитимности прав человека.

III. Основные модели достижения общественного консенсуса

Легитимность публичной власти достигается через определенные модели достижения консенсуса и связанные с ними механизмы принятия властных решений. Поэтому роль конституции как инструмента социального контроля можно рассматривать и в качестве инструмента обеспечения социального порядка. Отсюда можно определить разные подходы достижения консенсуса. Во-первых, конституция может рассматриваться как нейтральный инструмент для социального контроля. Такая модель выходит из представлений об

индифферентности права к социальным процессам и она рассматривается в качестве инструмента властной политики. Элементы такого конвенционализма проявляются в том, что группы интересов, которые плохо согласовываются с конституцией, не подлежат правовой защите или подлежат ему лишь частично.

Во-вторых, согласно модели унитарного консенсуса через конституцию и акты законодательства устанавливается общий интерес и соответственно правовая система функционирует для их защиты в противовес определенным индивидуальным интересам, которые не согласовываются с общим интересом. Унитарный консенсус строится на представлениях о роли парламентского большинства в процессе принятия законов. В случае согласования с помощью права разных групповых интересов выходят из позиции, что правовые институты обеспечивают ненасильственное разрешение социальных конфликтов в форме законодательных процедур или применения общих принципов права судебными учреждениями (плюралистичная модель).

В-третьих, согласование интересов с помощью права тянет за собой решение проблемы оценочных понятий (общественный порядок, публичный порядок, национальная безопасность, нравственность и тому подобное). Эгалитарная тенденция права в данном случае также тесно связана с категориями равенства и справедливости, которые по своей природе взаимно дополняются. Таким образом, защита прав и свобод должна согласовываться с национальным правовым порядком, чему служат конституционные предостережения относительно границ вмешательства в осуществление субъективных прав. Если рассматривать механизм легитимации публичной власти, то его инструментами будут служить демократические выборы, гарантии свободного доступа к публичной службе, режим парламентаризма, профессиональность и нейтральность публичной службы, судебный конституционный контроль. Кумулятивным эффектом этих институтов и процедур является становление механизма консолидированной демократии [26].

В-четвертых, аксиологическая легитимность предусматривает наличие общественного консенсуса относительно основных направлений реализации универсальных конституционных ценностей — достоинства индивида, свободы, равенства, справедливости, солидарности, subsidiarности. Отмеченное предусматривает наличие согласия относительно достижения общественно значимых целей с помощью исключительно конституционных средств, в основе которых лежит утверждение и обеспечение основных прав и свобод, функционирование общества на принципах открытых связей с обеспечением баланса частных и публичных интересов, которые являются основой стабильности и

динамики конституционного строя. Аксиологическая конституционная легитимность опирается на честные и надлежащие правовые процедуры, которые гарантируют доступ к конституционным благам на принципах равенства и справедливости.

IV. Учредительная власть и учрежденные власти

В современных условиях особенное значение имеет понимание природы легитимности учредительной власти (конституанты). Учредительная власть тесно связана с суверенитетом народа, которому принадлежит верховная власть. В то же время концепция суверенитета является абстрактным понятием, поскольку в эмпирической плоскости при принятии решений он преимущественно проявляется в мажоритарном принципе. С точки зрения верховенства права большинство не всегда может принимать правомерные решения, которые бы отвечали принципам равенства, свободы, справедливости, что лежат в основе любого правового порядка. То есть необходимо обеспечение гарантий прав меньшинства и его права критиковать решения большинства.

Поэтому с точки зрения процесса установления конституции суверенитет народа проявляется во множестве деятельности разных его составляющих — отдельных индивидов, социальных групп, объединений, движений, общественных организаций, политических партий, властных институтов, результаты действий которых имеют кумулятивный эффект. В целом концепция учредительной власти дает методологическую основу для отмежевания процесса принятия конституции от принципов организации и деятельности публичной власти, которая, таким образом, относительно учредительной власти является установленной и исходит от воли власти народа [29, с. 272–273].

Поскольку публичная власть является производной от власти народа, то необходимо разграничивать учредительную власть и организационно-правовую, которая воплощается через систему организационных и правовых форм деятельности участников конституционных правоотношений в форму деятельности органов публичной власти. Согласно французской концепции учредительной власти сама идея надконституционности — имманентная характеристика конституции, поскольку ее формальному принятию предшествует образование принципов конституционного строя (образование «протоконституционных» норм). Это связывает участников политического процесса и налагает ограничение в политической деятельности [6]. По мнению других [9], которые выражают преимущественно позитивистские взгляды, пересмотр определенных

надконституционных принципов и идей (к примеру, республиканизм), возможен путем пересмотра положений, которые закрепляют эти принципы. В частности, французский Конституционный совет по делу о ратификации Договора о Европейском Союзе (1992) определил, что учредительная власть является суверенной и «ей разрешено отменять, изменять и дополнять положения конституционного значения при соблюдении, естественно, правил относительно способа, установленного Конституцией» [32].

V. Учредительная власть и правовой статус Конституционной Ассамблеи

С принятием Конституционным Судом Украины резонансного решения от 30 сентября в 2010 г. о признании Закона о внесении в Конституцию Украины № 2222-IV от 8 декабря 2004 г. [13] недействительным в связи с нарушением конституционной процедуры внесения изменений в Основной Закон [14] созрела необходимость обновления Конституции Украины. В соответствии с пунктом 10 Резолюции 1755(2010) Парламентской Ассамблеи Совета Европы такое решение должно сопровождаться масштабным проведением конституционной реформы [24] с целью обеспечения демократической легитимности функционирования конституционных институтов.

Согласно с пунктом 13 Резолюции 1862(2012) Парламентской Ассамблеи Совета Европы Украине рекомендовалось интенсивно завершить конституционную реформу [25], не ожидая завершения парламентских выборов, которые состоялись еще в октябре 2012 г.

Однако это достаточно проблематичное мнение, поскольку согласно требованиям демократической легитимности конституционная реформа должна выражать общественный консенсус между политическими силами, среди юридической общественности, обеспечивать баланс интересов между местным самоуправлением, региональной властью и государственной властью, способствовать углублению общественного мира и солидарности в обществе. Исходя из того, что Концепция формирования и организации деятельности Конституционной Ассамблеи одобрена лишь 25 января 2012 г., этот процесс может приобрести достаточно длительный, эволюционный характер. И только 21 июня 2013 г. на заседании Конституции Украины была обсуждена проект Концепции обновления Конституции Украины, который должен быть окончательно рассмотрен на ее следующем заседании, запланированном к 15 октября 2013 г. По крайней мере, на осень 2013 г. пока что нет четко сформированной Концепции обновления Конституции Украины, и на осень предусматриваются дебаты относительно ее содержания, не

говоря о будущем законопроекте (законопроектах) о внесении изменений в Конституцию Украины.

Сама идея Конституционной Ассамблеи является нестандартным способом разрешения конституционных противоречий, поскольку органы с таким названием являются органами учредительной власти. В украинской специфике это вспомогательный орган при Президенте Украины, что не соответствует природе конституционных ассамблей.

Тем более по традиционным представлениям о природе конституанты в доктрине [2, с. 272–273] и п. 9 Заключения Венецианской комиссии CDL-AD(2011)002 [36] институты, наподобие конституционных ассамблей, являются общенациональными коллегиальными представительными органами и непосредственной формой выражения суверенной воли народа относительно принятия конституции. Именно из этих соображений органы наподобие конституционных ассамблей не могут иметь консультативного характера (п. 18 Заключения Венецианской комиссии CDL-AD(2011)002), поскольку это противоречит основополагающим принципам демократической легитимности. Венецианская комиссия также отметила, что процесс конституционной реформы должно осуществляться согласно установленной Разделом XIII Конституции Украины процедуры и отвечать требованиям конституционного континуитета, стабильности и предсказуемости.

Исходя из анализа Концепции формирования и организации деятельности Конституционной Ассамблеи, можно определить ее юридическую природу. При этом органы по образцу конституционных ассамблей обладают в полном объеме учредительной легитимностью. В контексте украинских реалий Конституционная Ассамблея *sui generis* (по своей природе) должна была стать совещательным органом власти при Президенте Украины (по логике учредительной легитимности и положений п. 28 части первой ст. 106 Конституции Украины), который разрабатывает проект закона о внесении изменений в Конституцию Украины. Однако в Положении о Конституционной Ассамблее, утвержденном Указом Президента Украины № 328/2012 [12], признано ее как специальный вспомогательный орган при главе государства (п. 1). А это уже меняет суть дела, поскольку вспомогательный орган, созданный специально для разработки законопроектов о внесении изменений в Конституцию Украины, призван способствовать обеспечению осуществлению политики главы государства. Зато совещательный орган по своей природе менее связан политикой Президента и его предложения по логике вещей должны были ложиться в основу правовых актов главы государства. То есть этот вопрос перемещается в плоскость, насколько глава государства будет считать себя связанным консенсусом,

который станет результатом общественно-политических дебатов между участниками Конституционной Ассамблеи. Учитывая такую ситуацию, является важным, чтобы конституционные законопроекты, разработанные Конституционной Ассамблеей, стали предметом общественно-политических дебатов в Верховной Раде и широкого общественного обсуждения.

Ключевая проблема, которую должна решить Конституционная Ассамблея — это решение вопроса об определении механизма изменения Конституции согласно требованиям демократической легитимности. Если рассматривать конституцию синтетически, то нормативной основой правопорядка является правовая организация общества, устанавливающая определенный тип политической организации и интеграции его институтов с целью достижения общественного блага. Согласно общим социальным установкам и ценностям, в отношении которых существует общее согласие и их осуществление принимается за естественный порядок вещей в обществе, формируется конституционный порядок конкретной страны. Нормативное наполнение конституции зависит от господствующей правовой традиции, обеспечивается через режим демократии, парламентаризма и конституционной юриспруденции (судебный конституционный контроль).

С точки зрения конституционных ценностей как основы стабильности конституций пересмотр Конституции Украины должен обеспечиваться путем институционализации Учредительного собрания; в свою очередь, внесение изменений в отдельные положения Конституции Украины должны регулироваться в том же порядке, который предусмотрен ее Разделом XIII. В этом отношении ненадлежащим средством пересмотра Конституции является использование плебисцитной демократии в форме всеукраинского референдума за народной инициативой (ст. 72 Конституции Украины), поскольку это угрожает конституционной стабильности и легитимности, пересмотр которой допускается только при соблюдении положений Раздела XIII Конституции Украины (пп. 28, 29 Заключения Венецианской Комиссии № CDL-AD(2013)017 [38]). Инициирование референдума о внесении изменений в Конституцию Украины и реализация его решений должно соответствовать положениям ее Раздела XIII, поскольку его положения являются *lex specialis* по отношению к положениям Раздела III Конституции Украины и имеют преимущество при их применении.

Выводы. Согласно с концепцией консоциативной демократии А. Лийпхарта [36, с. 216–219] необходимо достижение общественного консенсуса относительно основополагающих конституционных ценностей в дифференцированном обществе по нескольким параметрам. Во-первых, основной акцент должен быть

направлен на общественно-политический дискурс в гражданском обществе, которое разделяет в качестве ценностей свободу, равенство, недопустимость произвольного вмешательства в частную жизнь, свободную конкуренцию и т.п. При этом следует иметь в виду достаточно высокую степень атомизации украинского общества как своеобразного советского наследия правового нигилизма с его репрессиями, неуважением к частной жизни и социальным отчуждением. Именно в связи с этими факторами достаточно сложно идет процесс консолидации общества за группами интересов на принципах самоорганизации и саморегулирования, поскольку при Советском Союзе это не одобрялось.

Во-вторых, свобода политической деятельности достигается через гарантии свободы выражения взглядов, свободы мирных собраний, свободы объединений, которые не могут ограничиваться произвольно за надуманными поводами. Легитимность внесения изменений в Конституцию может быть обеспечено при условии свободного демократического дискурса среди политических акторов. Необходимым условием этого является осуждение коммунистической идеологии как тоталитарной и несовместимой с принципами свободного демократического строя. В свою очередь, необходимо достичь консенсуса относительно правил справедливого и честного политического процесса, основанного на свободной конкуренции, состязательности, уважению к различным идеологиям и признанию неконституционными идеологий, которые проповедают идеи нетерпимости в обществе.

В-третьих, существует необходимость углубления регионализации страны путем расширения прав местного самоуправления и регионов. При таких условиях в повестке дня, не исключено, будет стоять вопрос о создании Сената в качестве верхней палаты парламента с целью обеспечения регионального представительства и в качестве инструмента участия регионов в выработке общенациональной политики.

В-четвертых, в свете континентальной европейской конституционной традиции существует необходимость усиления парламентаризма путем существенного повышения роли парламента в формировании правительства и осуществления контроля над деятельностью исполнительной власти в Украине. В соответствии с современным пониманием свободы нынешняя абсолютная неприкосновенность народных депутатов Украины будет нуждаться в существенном ограничении. Поэтому на уровне высших институтов государственной власти необходимо достичь согласия для обеспечения баланса интересов в системе разделения властей. Основной проблемой при этом появится обеспечение баланса полномочий между парламентом и судебным конституционным контролем.

Лишь при условии достижения консенсуса на этих уровнях общественно-политического дискурса мы можем получить на выходе обновленную, сбалансированную Конституцию как «новый и праведный закон» в знаменитой формулировке Тараса Шевченко. Конституционная Ассамблея, созданная на основании Указа Президента Украины, становится, при таких условиях, платформой для такого общественно-политического дискурса, результаты которого должны воплощаться на принципах демократической легитимности.

туционная Ассамблея, созданная на основании Указа Президента Украины, становится, при таких условиях, платформой для такого общественно-политического дискурса, результаты которого должны воплощаться на принципах демократической легитимности.

Бibliографический список:

1. Аллан ТРС. Конституційна справедливість. Ліберальна теорія верховенства права. К.: Видавничий дім Києво-Могилянська Академія, 2008. 385 с.
2. Вебер М. Политика как профессия // Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990. 651 с.
3. Габермас Ю. Залучення іншого: Студії з політичної теорії / Пер. з нім. Львів: Астролябія, 2006. 415 с.
4. Даль Р. Демократия и ее критики / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 1998. 576 с.
5. Джагарян А. Суверенная демократия как отображение конституционных ценностей в зеркале общенациональных интересов // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4 (61).
6. Жакке Ж-П. Конституционное право и политические институты / пер. с фр. В.В. Маклакова. М.: Юрист, 2002. 365 с.
7. Зорькин В. Аксиологические аспекты Конституции России // СКО. 2008. № 4 (65). С. 7-20.
8. Козюбра М. Принцип верховенства права і конституційна юрисдикція // Вісник Конституційного Суду України. 2000. № 4. С. 24-32.
9. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1993. 384 с.
10. Мере Ж. Принцип суверенітету. Історія та основи новітньої влади / пер. з фр. Л. Кононович. Львів: Кальварія, 1996. 216 с.
11. Норгаард О. Економічні інституції та демократична реформа. Порівняльний аналіз посткомуністичних країн / пер. з англ. М. Козуба, А. Галушки. К.: Ніка-Центр, 2007. 424 с.
12. Про Конституційну Асамблею: Указ Президента України від 17 травня 2012 р. № 328/2012 [Електронний ресурс] — Режим доступу <http://www.president.gov.ua/documents/14752.html>
13. Про внесення змін до Конституції України : Закон України від 8 грудня 2004 р. // Відомості Верховної Ради України. 2005. № 2. Ст. 44.
14. Рішення Конституційного Суду України № 20-рп/2010 від 30.09.2010 р. (справа про додержання процедури внесення змін до Конституції України) // Вісник Конституційного Суду України. 2010. № 6. С. 142-151.
15. Розанвалон П. Демократична легітимність. Безсторонність, рефлексивність, наближеність / Пер. з фр. Є. Марічева. К.: Видавничий дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 286 с.
16. Ролз Дж. Теорія справедливості / Джон Ролз; пер. з англ. О. Мокровольський. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. 822 с.
17. Савчин М. Основні сучасні типи конституціоналізму // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право. Вип. 9. С. 135-140.
18. Танчев Е. Возникающий наднациональный конституционализм и современные системы конституционного контроля // СКО. 2007. № 4 (61). С. 78-93.
19. Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997. 405 с.
20. Тур М.Г. Некласичні моделі легітимації соціальних інститутів: Монографія. К.: ПАРАПАН, 2006. 423 с.
21. Уитц Р., Шайо А. Конституционные ценности в практике конституционного правосудия Венгрии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2 (59). С. 79-124.
22. Філософія прав людини / За ред. Ш. Гюсепата та Г. Ломанна. К.: Ніка-Центр, 2008. 317 с.
23. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, 2006. 221 с.
24. Функціонування демократичних інститутів в Україні: Резолюція 1755(2010) Парламентської Асамблеї Ради Європи. <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta10/ERES1755.htm>
25. Функціонування демократичних інститутів в Україні: Резолюція 1862(2012) Парламентської Асамблеї Ради Європи. <http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta12/ERES1862.htm>
26. Цветков В.В., Кресіна І.О., Коваленко А.А. Суспільна трансформація і державне управління в Україні: політико-правові детермінанти: Монографія. К.: Видавничий дім Ін Юре, 2003. 495 с.
27. Чебаненко О., Шрамович В., Ковриженко Д., Колодяжна Н. Консолідована демократія: перспективи для України. К.: Konrad Adenauer Stiftung, 2009. 31 с.

28. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 1999. 292 с.
29. Юридична енциклопедія: в 6 т. / редкол.: Ю.С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. К.: Укр. енцикл., 2001. Т. 3. 792 с.
30. Bogdandy A. von, Haussler S., Hanschmann F., Utz R. State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approach // Max Planck Yearbook of United Nations Law, Volume 9, 2005, p. 579-613.
31. Constitutionalism: Philosophical Foundation. Ed. by A. Larry. New York: Cambridge University Press, 1998.
32. Decision of Constitutional Conceil of French Republic 92-312 DC of 9 April 1992 // http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/anglais/a92312dc.pdf
33. Deutsches Staatsrecht. Ein Studienbuch von Reinhold Zippelius und Thomas Wuertenberger. 31. Auflage des von Theodor Maunz begründeten Werkes. München: Verlag C.H. Beck München, 2005. 561 s.
34. Kato, D. 3 Models of Constitutional Continuity: Examining the Notion of Constitutional Continuity via Six Different Historiographies of the Reconstruction Era: Paper presented at the annual meeting of The Midwest Political Science Association, Palmer House Hilton, Chicago, Illinois, Apr 07, 2009 // http://www.allacademic.com/meta/p86466_index.html
35. Klima, K a kol. Encyklopedia ustavnih prava. Praha: ASPI, a.s., 2007. 542 p.
36. Lijphart Arend. Consociational Democracy // World Politics. Vol. 21, No.2 (Jan., 1969), P. 207 — 225.
37. Opinion of European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) CDL_REF(2011)012 Concept Paper for the Establishment and Functioning oh the Constitutional Assembly of Ukraine // [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-REF\(2011\)012-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-REF(2011)012-e)
38. Opinion of European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) CDL_AD(2013)017 On the Law on National Referendum of Ukraine // [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2013\)017-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2013)017-e)
39. Stein, Torsten. Demokratische Legitimierung auf supranationaler und internationaler Ebene // Zeitschrift für auslaendischer oeffentliche Rechts und Voelkerrecht, 64 (2004), S. 563-570.
40. Winczorek P. Prawo konstytucyjne Rzeczypospolitej. Warszawa: Liber, 2003. 237 s.
41. Зайцев А.В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 5. С. 29-44. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_689.html
42. Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России: теория и практика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4. С. 6-15.
43. Тихомиров Ю.А. Суверенитет государств: гарантии стабильности и динамизма // Право и политика. 2012. № 3. С. 394-401.

References (transliteration):

1. Allan TRS. Konstituciyna spravedlivist'. Liberal'na teoriya verhovenstva prava. K.: Vidavnichiy dim Kievo-Mogilyans'ka Akademiya, 2008. 385 s.
2. Veber M. Politika kak professiya // Izbrannye proizvedeniya: Per. s nem.; sost., obsch. red. i poslesl. Yu.N. Davydova; predisl. P.P. Gaydenko; komment. A.F. Filippova. M.: Progress, 1990. 651 s.
3. Gabermas Yu. Zaluchennya inshogo: Studii z politichnoï teorii / per. z nim. L'viv: Astrolyabiya, 2006. 415 s.
4. Dal' R. Demokratiya i ee kritiki / Per. s angl. M.: ROSSPEN, 1998. 576 s.
5. Dzhagaryan A. Suverennaya demokratiya kak otobrazhenie konstitucionnyh cennostey v zerkale obschenacional'nyh interesov // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2007. № 4 (61).
6. Zhakke Zh-P. Konstitucionnoe pravo i politicheskie instituty / per. s fr. V. V. Maklakova. M. : Yurist', 2002. 365 s.
7. Zor'kin V. Aksiologicheskie aspekty Konstitucii Rossii // SKO. 2008. № 4 (65). S. 7-20.
8. Kozyubra M. Princip verhovenstva prava i konstituciyna yurisdikciya // Visnik Konstituciynogo Sudu Ukraïni. 2000. № 4. S. 24-32.
9. Lyusher F. Konstitucionnaya zaschita prav i svobod lichnosti. M., 1993. 384 s.
10. Mere Zh. Princip suverenitetu. Istoriya ta osnovi novitn'oi vladi / per. z fr. L. Kononovich. L'viv: Kal'variya, 1996. 216 s.
11. Norraard O. Ekonomichni institucii ta demokraticzna reforma. Porivnyan'niy analiz postkomunistichnih kraïn / per. z angl. M. Kozuba, A. Galushki. K.: Nika-Centr, 2007. 424 s.
12. Rozanvalon P. Demokraticzna legitimnist'. Bezstoronnist', reflektivnist', nablizhenist' / Per. z fr. C. Maricheva. K.: Vidavnichiy dim Kievo-Mogilyans'ka Akademiya, 2009. 286 s.

13. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti / Dzhon Rolz; per. z angl. O. Mokrovol's'kiy. K.: Vidavnictvo Solomii Pavlichko «Osnovi», 2001. 822 s.
14. Savchin M. Osnovni suchasni tipi konstitucionalizmu // Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo nacional'nogo universitetu. Seriya Pravo. Vip. 9. S. 135-140.
15. Tanchev E. Voznikayuschiy nadnacional'nyy konstitucionalizm i sovremennyye sistemy konstitucionnogo kontrolya // SKO. 2007. № 4 (61). S. 78-93.
16. Tihonravov Yu.V. Osnovy filosofii prava. M., 1997. 405 s.
17. Tur M.G. Neklasichni modeli legitimacii social'nih institutiv: monografiya. K.: PARAPAN, 2006. 423 s.
18. Uite R., Shayo A. Konstitucionnye cennosti v praktike konstitucionnogo pravosudiya Vengrii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2007. № 2 (59). S. 79-124.
19. Filosofiya prav lyudini / Za red. Sh. Tosepata ta I. Lomanna. K.: Nika-Centr, 2008. 317 s.
20. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo. Upravlenie i mirovoy poriyadok v HHI veke. M.: AST, 2006. 221 s.
21. Funkcionuvannya demokratichnih institutiv v Ukraïni: Rezolyuciya 1755(2010) Parlaments'koï Asambleï Radi Ėvropi. <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta10/ERES1755.htm>
22. Funkcionuvannya demokratichnih institutiv v Ukraïni: Rezolyuciya 1862(2012) Parlaments'koï Asambleï Radi Ėvropi. <http://assembly.coe.int/Mainf.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta12/ERES1862.htm>
23. Cvetkov V.V., Kresina I.O., Kovalenko A.A. Suspil'na transformaciya i derzhavne upravlinnya v Ukraïni: politiko-pravovi determinanti: Monografiya. K.: Vidavniychiy dim In Yure, 2003. 495 s.
24. Chebanenko O., Shramovich V., Kovrizhenko D., Kolodyazhna N. Konsolidovana demokratiya: perspektivi dlya Ukraïni. K.: Konrad Adenauer Stiftung, 2009. 31 s.
25. Shayo A. Samoogranichenie vlasti (kratkiy kurs konstitucionalizma). M., 1999. 292 s.
26. Yuridichna enciklopediya. V 6 t. / Redkol.: Yu.S. Shemshuchenko (golova redkol.) ta in. K.: Ukr. encikl., 2001. T. 3. 792 s.
27. Bogdandy A. von, Haussler S., Hanschmann F., Utz R. State-Building, Nation-Building, and Constitutional Politics in Post-Conflict Situations: Conceptual Clarifications and an Appraisal of Different Approach // Max Planck Yearbook of United Nations Law, Volume 9, 2005, p. 579-613.
28. Zaycev A.V. Deliberativnaya demokratiya kak institucional'nyy dialog vlasti i grazhdanskogo obschestva // NB: Problemy obschestva i politiki. 2013. № 5. С. 29-44. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_689.html
29. N.S. Bondar' Konstitucionnoe pravosudie i razvitie konstitucionnoy yurisprudencii v Rossii: teoriya i praktika. // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2011. № 4. С. 6-15.
30. Yu. A. Tihomirov Suverenitet gosudarstv: garantii stabil'nosti i dinamizma // Pravo i politika. 2012. № 3. С. 394-401.